

Этот вопрос Ли Яо прозвучал так, словно он собирался переметнуться на другую сторону.

Иншу слабо усмехнулся. Измученный и покалеченный, он всё же попытался улыбнуться своей прежней, лучезарной улыбкой:

— Вы — благородный муж, господин Ли. Лишь притворяетесь повесой, а душа у вас чистая. Иначе с чего бы вам приходиться ко мне только ради музыки? Вы ведь до сих пор так и не поняли, что я мужчина.

Ли Яо промолчал, не подтверждая и не опровергая его слов. Словно невзначай он вытащил из своей волосяной ленты тончайшее стальное лезвие и протянул собеседнику:

— Не думал о том, чтобы уйти? Скрыться, сменить имя, зажить спокойной жизнью.

Лезвие размером едва ли превосходило фалангу пальца, но край его зловеще блестел остротой.

Иншу придвинулся ближе и прямо с ладони Ли Яо осторожно перехватил губами стальную пластинку, пряча её за щеку.

— Скрыться? Как вы? — Иншу прищурился. — Я не знаю вашего настоящего имени, господин Ли, но...

Он замолчал, многозначительно глядя на собеседника.

* «Я прекрасно знаю, что вы далеко не так просты»*

Ли Яо лишь приподнял бровь, предпочтя промолчать.

Иншу опустил ресницы, и в его облике вновь проступила привычная, обманчиво-кроткая нежность:

— Я принадлежу Управлению Тайного Механизма. Побег принесёт лишь вечный, удушающий страх. К тому же я с малых лет принимал снадобья, чтобы скрыть мужское естество... Мой век и без того недолог, а теперь мне ещё и подрезали сухожилия на ногах. Да и к чему бежать? — Он кокетливо, с горькой усмешкой взглянул на Ли Яо. — Разве вы сможете оберегать меня до самой смерти?

Вопрос был слишком честным. Ли Яо, чьё нынешнее положение висело на волоске, не мог и не хотел бросать пустые обещания.

Иншу скользнул взглядом по слуге, который всё ещё лежал без чувств у стены.

— Уходите, господин. Этот малый проявил ко мне каплю сострадания. Не хочу, чтобы моя смерть навлекла на него беду.

В этом изломанном человеке уживались и жестокая злоба, и искреннее стремление отплатить теплом за едва заметную искру доброты. Если бы в подлунном мире не было войн, раздоров и вечной вражды между народами, быть может, людские сердца не знали бы холода?

Глядя вслед уходящему Ли Яо, Иншу едва слышно прошептал:

— Пусть минуют вас войны, господин Ли... Да пребудет с вами покой до конца ваших дней.

* «И пусть в следующей жизни мне не суждено будет пасть в этот грешный мир...»*

Ли Яо бесшумно выскользнул из комнаты и взмыл на стену. Префект Фань был гнилым человеком, но Ли Яо всё равно следовало убедиться, что Иншу перед смертью не решит прихватить этого мерзавца с собой, накликая лишний шум.

Спустя некоторое время тишину разорвал истошный вопль. Очнувшийся слуга выбежал во двор, крича во всё горло:

— Помогите! Сюда! Иншу перерезал путы, я не смог его удержать!..

В усадьбе мгновенно вспыхнули огни. Десятки слуг и охранников с факелами наперевес бросились к дверям флигеля.

Префект Фань Хун выскочил на крыльцо прямо в исподнем. К этому моменту суматоха уже улеглась. Двое слуг вынесли во двор безжизненное тело Иншу и опустили перед хозяином. На шее покойного зияла глубокая рана, из которой на серые плитки всё ещё капала тёмная, густая кровь, оставляя за собой дорожку багровых пятен.

Ли Яо не стал задерживаться. Сделав несколько бесшумных прыжков, он перемахнул через внешнюю ограду и сразу приметил Хэ Цзинпина. Мальчишка, услышав крики, явно порывался броситься на помощь, но, помня строгий наказ сидеть смирно, не решался сдвинуться с места. От этого внутреннего борения он топтался у подножия стены, покачиваясь из стороны в сторону, точь-в-точь как забавный глиняный болванчик. Ли Яо невольно усмехнулся.

Заметив приближающуюся фигуру, подросток заметно расслабился и поспешил навстречу, засыпая вопросами:

— Ну что? За тобой гнались? Где Иншу? Удалось с ним поговорить? Что он сказал?

— Он мёртв, — тихо отозвался Ли Яо. — Здесь не место для расспросов. Уходим.

По дороге он рассказал Цзинпину лишь часть правды: упомянул, что народ Цзе разыскивает наследника герцога Синя, но намеренно умолчал о своих подозрениях и о запутанной подоплёке этого дела.

Наутро Ли Яо с самым беззаботным видом разыскал секретаря Хуа Синьфэна и выложил ему всё без утайки. Тот, подыгрывая дяде-наставнику, разыграл перед префектом безупречный спектакль. Явившись в управу, Хуа Синьфэн важно заявил, что готов вычеркнуть Иншу из списков шпионов, если господин Фань заставит пленника разговариваться.

Фань Хун лишь горько и шумно вздохнул:

— Какое, к лешему, вычеркнуть! Этот негодяй вчера перерезал себе горло!

Префект Фань, хоть и вёл себя порой как неотёсанный мужлан, всё же слыл человеком образованным. И если уж из его уст вырвалась подобная брань, значит, дело было совсем скверно.

— Мы ведь до нитки его обобрали! — бушевал Фань Хун, в сердцах хватаясь за голову. — Откуда у него взялось лезвие?!

Хуа Синьфэн тут же, не моргнув глазом, пустил в ход сочинённую на ходу байку:

— Особо преданные своему делу лазутчики часто прячут тончайшие стальные пластины за щекой или под нёбом. Они используют их для последнего, отчаянного удара или же... — Он бросил на префекта многозначительный взгляд. — Благодарите богов, господин Фань, что этот несчастный решил свести счёты с жизнью, а не перерезать вам глотку во время очередного допроса.

Фань Хун лишился дара речи. По его спине, верно, промчался табун ледяных мурашек при мысли о том, на волоске от какой участи он находился.

Очищение крови Хэ Цзинпина от яда требовало времени. Дни летели незаметно, и так миновало больше двух недель.

В один из дней, как раз в самый полдень, в тихом дворике Ли Яо царила напряжённая тишина.

— Снадобья больше прикладывать не нужно, — обыденным тоном произнёс Хуа Синьфэн, закончив прощупывать пульс юноши.

Лекарь вместе с дядей Сунем бережно сняли повязки и обмыли лицо мальчика чистой водой. В ту же секунду разговоры утихли. В комнате воцарилось мёртвое молчание.

Язвы на лице и ладонях Хэ Цзинпина затянулись, но на их месте остались багровые рубцы. Эти уродливые отметины изуродовали молодую кожу, лишив её прежней чистоты.

— Не печальтесь раньше времени, молодой господин, — попытался подбодрить его лекарь. — Я приготовлю особую мазь против рубцов. Если втирать её ежедневно, со временем следы посветлеют.

В тринадцать лет черты лица уже начинают определяться, обещая в будущем превратить мальчика в статного, на редкость красивого юношу. Видеть, как столь благородный лик в одночасье оказался обезображен, было невыносимо. Никто в комнате не мог заставить себя сделать вид, будто ничего страшного не произошло.

Сам же Хэ Цзинпин неподвижно сидел перед бронзовым зеркалом. Он долго, не мигая, разглядывал собственное отражение. На его лице не проступило ни ужаса, ни отчаяния; он не проронил ни звука. Эта тишина пугала сильнее любых рыданий — она походила на затишье перед бурей.

Лекарь испуганно переглянулся с остальными, безмолвно вопрошая взглядом: «Ну же, скажите хоть что-нибудь! Как быть?»

Ли Яо покосился на Хуа Синьфэна, всем своим видом показывая: «Твой черёд, утешай».

Секретарь Хуа лишь виновато развёл руками, безмолвно отвечая: «Да я в жизни никого не умел утешать!»

Дядя Сунь, чьё сердце разрывалось от жалости к мальчику, с укором уставился на троицу взрослых мужчин: «В обычные дни вы все такие речистые, а сейчас и слова вымолвить не можете...»

Хэ Цзинпин заметил их безмолвные препирательства в отражении зеркала. Уголки его губ уродливой маской тронула слабая, грустная улыбка:

— Не нужно подбирать слова, чтобы утешить меня. Я и сам немного смыслю в лекарском деле. Когда пару дней назад я сам менял повязки, то прекрасно понимал, к какому исходу всё идёт. В лагере полно забот, так что господину Хуа и уважаемому лекарю лучше поскорее вернуться к делам. А со ссадинами на пальцах я разберусь сам.

Взрослые лишь растерянно переглянулись.

Мальчик тихо вздохнул и, сославшись на усталость, вежливо выпроводил всех четверых за дверь. Намного превосходящие его годами мужчины вышли на улицу, чувствуя себя глупыми, нахохлившимися птицами.

Спустившись с крыльца, они остановились под навесом галереи.

Лекарь бросил боязливый взгляд на закрытую дверь и вполголоса пробормотал:

— Необыкновенный ребёнок. За всю мою долгую службу я повидал немало раненых, но ни разу не встречал столь поразительного хладнокровия.

Хуа Синьфэн поскрёб подбородок и озабоченно спросил у Ли Яо:

— Дядя-наставник, как думаешь, может, он просто держит всё в себе? Вдруг сорвётся?

Ли Яо, спрятав ладони в широкие рукава своего просторного халата, сделал несколько шагов назад-вперёд и качнул головой:

— Идите. Я присмотрю за ним.

Стоило им уйти, как во дворе вновь воцарилась тишина. Ли Яо подкрался к двери и прижался к ней ухом, но изнутри не доносилось ни шороха. Он сам когда-то был подростком и прекрасно помнил, какими колючими и скрытными становятся мальчишки в этом возрасте. Если сейчас навязываться с жалостью, можно сделать только хуже. Но ведь жизнь так долга, а парень лишился лица в самом начале пути. Вдруг за этим неестественным спокойствием кроется глубокая обида на весь белый свет? Вдруг он натворит глупостей?

Тревога не отпускала. Недолго думая, Ли Яо легко, точно бесплотный дух, взмыл вверх и опустился на черепичную крышу.

Кто бы мог подумать, что древнюю разбойничью забаву — разбирать чужие крыши ради подглядывания — ему придётся опробовать на собственном доме.

Дядя Сунь, тоже изнывавший от беспокойства, решил вернуться. Шагнув во двор через круглые ворота, он замер как вкопанный, увидев своего хозяина, балансирующего на коньке крыши. Ли Яо поспешно замахал руками и заговорщически подмигнул старику, беззвучно приказывая молчать.

Старик испуганно прижал ладонь к губам и отчаянно зажестикублировал: «Осторожнее, господин!»

Ли Яо отмахнулся: «Всё под контролем, ступай по своим делам».

Дядя Сунь ушёл, то и дело оглядываясь. «Наш молодой хозяин только притворяется легкомысленным повесой, — размышлял старик по пути, — а на деле сердце у него чуткое. То, что они с этим мальчиком теперь заботятся друг о друге, — истинное благословение небес. Быть может, это несчастье обернётся для них обоих добром».

Ли Яо тем временем устроился поудобнее на коньке, откуда открывался лучший вид, и осторожно приподнял одну из глиняных плиток. Заглянув в образовавшуюся щель, он увидел Хэ Цзинпина. Мальчик сидел на полу, прижавшись спиной к закрытой двери.

Мало что ранит сильнее, чем потеря едва обрётённого. Тот, кто отродясь не ведал сладости обладания, не боится горечи утраты. Но судьба коварна: она сперва одаривает человека надеждой, а затем безжалостно отбирает её назад.

Так случилось с лицом Цзинпина, и так же когда-то обошлись с доверием и милостью государя к самому Ли Яо.

Каким бы не по годам взрослым ни казался Хэ Цзинпин, он оставался всего лишь подростком, и на душе у него сейчас было невыразимо горько.

Вот только показывать свою слабость он не желал. Стоило взрослым уйти, как он бесшумными шагами, крадучись, подошёл к двери и задвинул тяжёлый засов.

Лишь тогда напряжение отпустило его. С глубоким вздохом мальчик опустился на пол прямо у порога, подтянул колени к груди и обхватил их руками. Ему не хотелось плакать, но внутри всё сжалось в тугую, болезненный узел. Почему судьба раз за разом издевается над ним? Но стоило этой мысли скользнуть в разум, как он тут же разозлился на себя.

* «Только слабаки винят во всём небо и землю. Соберись, Хэ Цзинпин, неужели ты настолько жалок?»*

Но как бы он ни ругал себя, легче не становилось.

Так он и сидел в одиночестве, погружённый в безрадостные думы, пока солнце не поднялось к самому зениту.

Шорох у порога заставил его очнуться от забытья. Он поднялся, сделал несколько шагов назад и ровным голосом произнёс:

— Дядя Сунь, это вы? Я прилягу отдохнуть, не нужно нести мне обед.

Вместо ответа из-за двери раздалось тихое, утробное поскуливание.

Цзинпин удивился и приоткрыл дверь. На пороге сидел Гундань. Чёрный пёс крепко держал в зубах деревянный судок с едой и преданно смотрел на мальчика снизу вверх. Он усердно вилял хвостом, а его слюна капала прямо на лакированную крышку. К счастью, коробка была закрыта плотно.

Они молча постояли друг против друга несколько мгновений, пока нетерпеливый пёс не начал протискиваться внутрь.

Шерсть у него была густая и пушистая, отчего трудно было разобрать, толстый он или просто лохматый. Но сейчас, глядя на то, с каким трудом его бока протискиваются в щель, Цзинпин окончательно убедился: пёс был изрядно раскормлен.

— Ты принёс мне обед? — спросил мальчик.

Гундань не дотягивался до стола, поэтому просто аккуратно поставил судок на пол, негромко тьякнул и толкнул его лапой, словно говоря: «Ешь давай».

На душе у Цзинпина потеплело, и он впервые за день улыбнулся. Заперев дверь, он устроился на полу рядом с собакой и придвинул к себе судок. Стоило снять крышку, как по комнате разлился упоительный аромат.

Внутри аккуратно стояли пиала со свежей рисовой кашей, пара румяных лепёшек, чаша с тушёной свининой и побегами бамбука, а также скромная порция сочной зелени.

Цзинпин отломил половину лепёшки и протянул псу:

— Разделишь со мной трапезу, брат Гав?

Гундань чиниться не стал. Довольно уркнув, он мгновенно сцапал угощение и принялся с аппетитом жевать, роняя слюни. Покончив с лепёшкой, пёс не стал кланяться ещё, а просто разлёгся на полу у ног Цзинпина, превратившись в большой пушистый клубок.

Заметив, как у морды пса стремительно натекает лужица слюны, мальчик подцепил палочками кусочек жирного мяса, слегка прополоскал его в пресной рисовой каше, чтобы смыть лишнюю соль, и протянул Гунданю:

— Держи, полакомься. Считай, нарушил свой пост.

Пёс в один миг проглотил мясо и благодарно ткнулся мокрым носом в плечо мальчика, после чего улёгся вплотную к нему. Цзинпин ласково потрепал его по мягкому, упитанному боку. Под лоснящейся чёрной шерстью чувствовалось мерное, тёплое дыхание живого существа.

— Чем же тебя кормит господин Ли, что ты вымахал в такого бочонка?

Псу, похоже, не понравился намёк на лишний вес. Он недовольно приоткрыл один глаз, зыркнул на Цзинпина и демонстративно отвернулся, задремав.

В этой морде сейчас удивительно точно угадывалась манера самого Ли Яо пренебрежительно закатывать глаза.

Цзинпин тихо рассмеялся.

Поручить собаке доставку обеда... Дядя Сунь вряд ли додумался бы до такого. Эта нелепая, но по-своему трогательная забота согрела сердце Цзинпина. Он откусил кусок лепёшки и потянулся за сочным побегом бамбука.

Вкус тушёного бамбука со свининой оказался изумительным. Едва ощутимая солоноватость соуса лишь подчёркивала сладость нежных, хрустящих побегов. Мясной сок смешивался с ароматом зелени, оставляя приятное послевкусие. Это блюдо разительно отличалось от стряпни дяди Суня, который всегда не жалел густой соевой пасты и пряностей.

Мальчик попробовал зелень.

Листья были ему незнакомы — ярко-зелёные побеги, увенчанные крошечными жёлтыми соцветиями. Поначалу они показались горьковатыми на вкус, но по мере того, как он пережёвывал их, рот наполнялся тонким цветочным благоуханием, а горечь уступала место живительной свежести.

Дядя Сунь как-то обмолвился, что молодой хозяин готовит просто божественно... Неужели эти блюда состряпал сам Ли Яо?

Решил таким хитрым образом поднять ему настроение?

От этой мысли на душе у Цзинпина стало совсем тепло. Капризная судьба, даже отвесив человеку звонкую пощёчину, всё же иногда подслащивает пилюлю.

На ужин Гундань явился точно в срок, бережно неся в зубах очередную порцию.

Они снова разделили трапезу. Пёс немного посидел рядом с мальчиком, после чего, ухватив пустой судок, чинно удалился докладывать об исполнении поручения.

Сумерки едва сгущались. Цзинпин, тронутый безмолвной заботой, решил выйти во двор. Возле погреба он приметил дядю Суня, который усердно закатывал кадушки с зимними соленьями. Старик рассказал, что Ли Яо сегодня весь день провёл на ногах, то и дело убегая по каким-то делам, да и сейчас, едва наспех поужинав, снова куда-то отлучился.

Помогая старику укладывать тяжёлые кувшины, мальчик как бы невзначай спросил:

— Дядя Сунь, а как вы познакомились с господином Ли?

Старик добродушно улыбнулся:

— Да я ведь всю жизнь служил в доме господина Хуа Синьфэна. С полгода назад молодой хозяин объявил, что его почтенный дядя-наставник желает пожить здесь в уединении, и отправил меня помогать ему по хозяйству.

Переговариваясь о всяких пустяках, они дружно управились с делами, после чего пожелали друг другу доброй ночи и разошлись по комнатам.

Ли Яо вернулся, когда луна уже поднялась высоко над верхушками деревьев. Заметив, что окна в комнате Цзинпина приоткрыты, а не заколочены наглухо, как днём, он с облегчением выдохнул.

Он осторожно заглянул в полуоткрытую створку: мальчик сидел за столом спиной к окну, подперев кулаком щёку и глядя в одну точку.

Ли Яо тихонько постучал.

Дверь не была заперта и легко поддавалась от слабого толчка. Цзинпин даже не шелохнулся — как оказалось, он сладко спал, так и не убрав руку от лица.

— Ложись в постель, горемыка, — негромко проговорил Ли Яо, легонько ущипнув его за щёку.

Мальчик мгновенно вскинулся, в его сонных глазах на миг вспыхнула дикая, звериная настороженность, но, узнав Ли Яо, он сразу расслабился.

Пламя оплывающей свечи мягко очерчивало строгий профиль Ли Яо. Прямая линия его переносицы отбрасывала тень на щеку, придавая чертам загадочную глубину, которая могла бы показаться суровой, если бы не едва заметный, чуть вздёрнутый кончик носа. Эта едва уловимая деталь скрадывала холодность взгляда, делая его облик на удивление мягким.

Сейчас в глубине его тёмных глаз читалась искренняя, ничем не прикрытая тревога. Цзинпин застыл, замороженный этим мимолётным проявлением истинного участия, и не смог выдать ни слова.

Ли Яо, прекрасно зная цену своей привлекательности, при других обстоятельствах непременно воспользовался бы моментом, чтобы со свойственным ему бесстыдством подразнить мальчишку. Он уже готов был отпустить очередную колкость, но взгляд наткнулся на жуткие багровые шрамы, покрывавшие половину лица Цзинпина. Насмешка застряла в горле. Взыгравшая совесть подсказала, что сейчас любые шутки о внешности будут подобны удару ножа. Он сменил тон и тихо спросил:

— Что думаешь делать дальше? Есть какие-то планы?

Дыхание Цзинпина на мгновение перехватило.

— Раз уж вы — тот самый Ли Яо... Скажите, вам известно, что на самом деле произошло тогда в Синьане?

Ли Яо со вздохом положил руку ему на плечо:

— В деталях я того дела не знаю. Во-первых, я лишь следовал тайному указанию деда, велевшего мне сломя голову лететь к вам на выручку. Во-вторых, я всё равно опоздал. Мне удалось вытащить из огня только тебя и твою двоюродную бабушку, тётушку Хуа. Ты тогда бредил, горел как в лихорадке. Я спрятал вас в загородном поместье нашей семьи, но тут же получил второе спешное послание от деда, приказавшего мне немедленно вернуться в столицу. О том, что вы ушли всего через пару дней, даже не попрощавшись, я узнал гораздо позже... Почти десять лет прошло. Кто бы мог подумать, что мы встретимся при таких обстоятельствах?

Он замолчал, ободряюще сжав плечо мальчика.

— Нити того заговора завязаны в тугой узел. Если хочешь докопаться до истины, тебе придётся распутать его самому.

Цзинпин молча опустил голову. В его памяти та кошмарная дождливая ночь давно превратилась в размытое, пугающее сновидение, а лица погибших родителей казались далёкими, словно из прошлой жизни.

Заметив его молчание, Ли Яо негромко добавил:

— Твоё недоверие понятно, можешь ничего не объяснять. — Тень прежней мягкости исчезла с его лица, уступив место строгой сосредоточенности. — Помни одно: что бы ты ни задумал, сперва научись защищать себя сам. На одних лишь иглах с зудным порошком далеко не уедешь.

Не успели эти слова затихнуть, как Ли Яо молниеносным движением вскинул руку, намереваясь ухватить Цзинпина за подбородок.

Жест вышел дерзким, до крайности похожим на повадки столичного повесы, вздумавшего приласкать смазливую служанку.

Цзинпин нахмурился, в недоумении подумав:

* «Какая муха его укусила?»*

<http://bllate.org/book/18368/1760218>